

DOI: 10.15643/libartrus-2016.6.10

Культурное взаимодействие восточнославянского фольклора и русской литературы как национальных явлений в научном наследии Л. Г. Барага

© С. А. Салова, Р. Х. Якубова*

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076, г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

**Email: irlxx@yandex.ru*

Статья посвящена выдающемуся фольклористу, литературоведу, этнографу, кандидату филологических наук, доктору исторических наук Льву Григорьевичу Барагу (1911–1994), чья научная и преподавательская деятельность в течение нескольких десятилетий была связана с Башкирским государственным университетом. Представлены важнейшие вехи научной деятельности ученого, дан краткий аннотированный обзор основных трудов выдающегося отечественного филолога в области сказочного фольклора, обозначен его вклад в изучение одной из важнейших страниц истории русской литературы XVIII века – комедии Д. И. Фонвизина. В статье охарактеризована многогранная деятельность профессора Барага, который успешно сочетал практическую работу по собиранию фольклора с исследовательской, сосредоточенной на сравнительном изучении сказочного эпоса. Рассмотрен вопрос о том, какое место в отечественной филологии занял этот исследователь, внесший существенные дополнения, уточнения в изучение не только восточнославянского, но и тюркского сказочного сюжетного репертуара, ставший одним из разработчиков авторитетнейшего указателя восточнославянских сказочных сюжетов, заложивший основы для развития башкирской фольклористики. Выявлены главные особенности полемической в плане методологии исследовательской стратегии Барага, нацеленной на обоснование потенциально прореалистического метода Фонвизина-драматурга. Обращено внимание на постулированные Барогом суждения, которые предвосхитили современные научные представления о процессах жанровой деканонизации, семиотическом механизме преобразования «чужого» в «свое», о жанровом своеобразии «Недоросля» как социально-психологической комедии, о доверии автора «Бригадира» к оценочной точке зрения «неположительных» персонажей.

Ключевые слова: *фольклористика, этнография, фольклорная традиция, мифопоэтика, компаративистика, сказочный эпос, сюжетный репертуар, история русской литературы XVIII века.*

Профессор Лев Григорьевич Барог (1911–1994), фольклорист, литературовед, этнограф, доктор исторических наук, прошел долгий и плодотворный путь ученого, преподавателя, наставника. Содержание и направленность его многогранной деятельности в научной сфере и по сей день не утратили своей актуальности и значения. Всю свою творческую жизнь он посвятил сравнительно-историческому исследованию проблем развития восточнославянского фольклора и русской литературы как национальных явлений в аспектах многовекового культурного взаимодействия. Для тех, кто работал с ним и для более молодого поколения, он был примером ученого-гуманитария, обладавшего фундаментальными теоретическими познаниями, широчайшей общекультурной и филологической эрудицией, позволявшей легко ориентироваться в обширном корпусе произведений как русской, так и мировой художественной

литературы всех времен. Л. Г. Бараг отличался абсолютной преданностью науке, бескорыстным, самоотверженным служением своему делу. Как мастер ораторского искусства и вузовский лектор он искренне верил в высокое предназначение гуманитарного знания, в волшебную силу художественного слова. По многим своим качествам Л. Г. Бараг представлял собой классический тип российского интеллигента.

Уроженец г. Киева, Л. Г. Бараг учился в московской школе, затем Московском государственном педагогическом институте, который окончил в 1931 году, а в 1938 году – аспирантуру. Лев Григорьевич был учеником таких больших ученых, как Н. К. Гудзий и П. Г. Богатырев. Три года (1938–1941) он работал доцентом, заведующим кафедрой Минского педагогического института. Во время эвакуации Лев Григорьевич заведовал кафедрой в Свердловском университете. В 1943 году он вернулся в Минск и еще шесть лет проработал на кафедре всеобщей литературы. Во времена борьбы с космополитизмом был обвинен в том, что принижает белорусский фольклор, так как объяснял сходство белорусских сказок с фольклором других европейских народов с помощью теории заимствования. Лев Григорьевич был уволен из БГУ (1949) и должен был покинуть Минск в 24 часа. Два года он не мог найти работу и только в 1951 году был принят в Башкирский педагогический институт (с 1957 – Башкирский государственный университет), где и прослужил филологическому делу до своей кончины – 4 сентября 1994 года. С 1966 по 1988 годы Лев Григорьевич Бараг заведовал кафедрой русской литературы и фольклора Башкирского государственного университета (БашГУ); одновременно с 1972 года он был научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР.

Где бы ни работал Лев Григорьевич, он всегда организовывал фольклорные экспедиции, так как главным источником трудов и размышлений считал существующую народную сказочную стихию, его привлекало в первую очередь живое бытование устного творчества. Во время многочисленных экспедиций им были собраны бесценные материалы, которые, несомненно, обогатили современное сказковедение. В своей собирательской и исследовательской работе он продолжил и развил дело таких крупнейших этнографов и фольклористов, как П. П. Чубинский, В. Н. Добровольский, П. В. Шейн, М. А. Федеровский, А. К. Сержпутовский, М. К. Азадовский.

Несмотря на то, что Лев Григорьевич Бараг был вынужден оставить Белоруссию из-за надуманных обвинений в космополитизме, всю свою жизнь он посвятил исследованию белорусской сказки. Большим событием в фольклористике стал опубликованный ученым в 1966 году в Берлине в издательстве Akademie Verlag сборник избранных белорусских сказок [1] на немецком языке «Belorussische Volksmärchen» («Белорусские сказки»): из 122 сказок, вошедших в сборник, 36 являются переводом впервые опубликованных белорусских сказок, записанных самим Барагом, именно он стал автором послесловия и подробного научного комментария к сказочным текстам, комментария, в котором впервые было определено место публикуемых белорусских народных сказок по международному указателю сказочных сюжетов Аарне-Томпсона – одной из ключевых книг для фольклористов всего мира. Свод белорусских сказок, выдержавший с 1966 по 1980 год десять изданий, вошел в золотой фонд международной фольклористики – он способствовал тому, что белорусские фольклорные материалы вошли в труды славистов разных стран.

В 1969 году Л. Г. Бараг опубликовал монографию «Беларуская казка» [2], а в 1984–1985 годы совместно с Н. В. Новиковым подготовил к изданию в серии «Литературные памятники» «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» [3] с подробными научными комментариями и

указателем сказочных сюжетов по системе Аарне-Топмсона. Предисловие «А. Н. Афанасьев и его собрание народных сказок» [4] к трехтомному собранию сказок также было написано Н. В. Новиковым и Л. Г. Барагом.

Уфимский ученый с мировым именем прекрасно осознавал, что «Международный указатель Томпсона 1961 года, составленный на основе неравноценных данных некоторых национальных Указателей и частично опубликованных сведений о национальных сюжетных репертуарах, требует уточнений, дополнений и не может служить достаточно прочной базой сопоставительного исследования типов сказок славянских народов» [5, с. 69]. Главной задачей тех, кто изучает сказочный эпос, Л. Г. Бараг считал «составление непосредственно на основе сказочных текстов, а вместе с тем на основе объединения разрозненных национальных Указателей, сводного сравнительного Указателя восточнославянских и других славянских сказочных сюжетов применительно к международной системе Аарне-Томпсона (АТ)» [5, с. 69–70]. Подготовкой к решению подобной задачи стала докторская диссертация Л. Г. Барага «Взаимосвязи и национальное своеобразие восточнославянских народных сказок», которую он защитил по окончании докторантуры Института этнографии АН СССР в 1969 году. Почти через десять лет вышел систематический указатель «Сюжеты и мотивы белорусских народных сказок» (Минск, 1978) [6] и через год «Восточнославянские сказки. Сравнительный указатель сюжетов» (Л., 1979) [7] в соавторстве с И. П. Березовским, К. П. Кабашниковым, Н. В. Новиковым.

Свою цель Л. Г. Бараг видел в том, чтобы, с одной стороны, представить картину вариантов популярных в Белоруссии, на Украине и на русской этнической территории отдельных сюжетов и образов, обнаружить общее, единство и различия для фольклора восточных, западных и южных славян, раскрыть взаимосвязи сказок родственных славянских народов, а с другой – раскрыть процесс взаимообогащения культур Востока и славянского мира. Ученый полагал, что необходимость всестороннего сравнительного исторического исследования наиболее остро ощущается в области сказковедения. Он писал: «Даже в тех случаях, когда может быть установлена несомненная приблизительная типологическая близость сказочных сюжетов, типологический аспект сравнительного анализа недостаточен. Историко-типологическое, историко-генетическое и историко-культурное направления сравнительного исследования должны, дополняя друг друга, цельно сочетаться» [8, с. 45]. Эту задачу Л. Г. Бараг связывал со всеми видами фольклора, но свою собственную практическую и исследовательскую деятельность посвятил именно сказочному эпосу.

Он усматривал основной недостаток фольклористики в том, что «специальные сопоставительные исследования обычно посвящаются анализу какого-либо сюжета, образа или определенным стилистическим особенностям сказок народов, родственных по происхождению и языку, а не целостному историческому освещению всех компонентов содержания сказок и их формы, необходимому для познания закономерностей многовекового процесса образования сложных фольклорных общностей такого и других типов» [8, с. 46]. К последним Л. Г. Бараг относил фольклорные региональные сообщества неродственных народов, образовавшиеся в ходе развития культурно-экономических отношений относительно давно и совсем недавно, столь характерных для нашей страны, но мало привлекавших, как считал Бараг, внимание сказковедов. Именно поэтому его всегда живо интересовал вопрос о взаимодействии местных неславянских и русских сказок [8–12]. Ученый считал, что многообразие фактов проявления процесса взаимодействия русских (восточнославянских) и неславянских сказок народов СССР в конкретных местных условиях «требует систематизации и должно служить установлению

определенных закономерностей путем сравнительного осмысления этих фактов» [8, с. 48]. Он неоднократно указывал на то, что в международном каталоге С. Томпсона «The Types of the folktale» (1961) «немало сюжетов, учтенных Томпсоном исключительно в русском материале или только в восточнославянском и балтском репертуаре» [8, с. 51], хотя фактически и у других народов СССР значительная часть этих сюжетов тоже бытует. Так, например, Л. Г. Бараг обратил внимание на сюжет «Человек, волк, медведь, черт (ведьма) варят в озере пиво (сытят озеро)» – по указателю Томпсона №176**. По поводу этого сюжета он писал, что в существующих указателях учтены только два русских текста, в то время как уже опубликован третий русский вариант [13, с. 51–52]. К тому же уфимский исследователь полагал, что отмеченные Томпсоном под тем же номером 11 литовских сказок – о дружбе человека, бога грома и дьявола – по сути являются сказками другого, сходного типа (Томпсон, 1147*), зато к типу 176** вполне относятся сказки «Портной, бесенок и медведь» из татарского и осетинского сборников сказок. Л. Г. Бараг указал на то, что в русской сказке уфимского сборника 1974 года, как и в татарской и осетинской, спутниками человека, от которых он потом избавляется, являются медведь и «шайтан». Упоминание в русской сказке о караване, идущем из Персии, и повторяющееся неоднократно нерусское наименование черта дало основание фольклористу предположить непосредственную связь данной сказки с восточным фольклором и обнаружить бесспорность генетической общности русских и татарской, осетинской сказок.

Лев Григорьевич Бараг полагал, что сюжетная общность сказок восточнославянских и тюркоязычных народов нисколько не умаляет их национальное своеобразие. Так, в частности, он отмечал, что только в украинском, русском, башкирском и тувинском материале отмечены сказки о щенке, представляющие разновидность сюжета «Чудесные дети» (тип 707): «главную богатырскую роль в них играет щенок, он выручает изгнанную царем жену, помогает ей найти детей, добывает чудесные предметы. Русские, украинские, башкирские и тувинские сказки о подвигах щенка имеют совершенно разный бытовой колорит. Популярны в Башкирии, такие сказки связаны с древними тотемистическими представлениями башкир; в некоторых вариантах сюжета образ щенка трактуется как образ защитника обездоленных» [8, с. 52].

Л. Г. Бараг придавал приоритетное значение сравнительным исследованиям, которые опирались на историко-генетическое, историко-типологическое и историко-культурное направления. Именно поэтому он посвятил часть своей научной деятельности изучению башкирского фольклора: стал соредактором и соавтором классификации, систематизации и научного комментария к пяти томам башкирских народных сказок (волшебных, волшебного-героических, богатырских, о животных и социально-бытовых), которые вошли в восемнадцатитомный свод башкирского фольклора.

Возникнув в древности, сказка развивается и продолжает свою жизнь в разных формах, поэтому ряд статей исследователя был посвящен бытованию в литературной и устной традициях разных народов сказочных сюжетов, таких, например, как «Звери делят растерзанное животное» (АТ 52), «Простецкая молитва» (АТ 827), «Собака подражает волку» (АТ 47 Д, 101*, 117*, 119*) [14–16].

Разносторонняя эрудиция, великолепная память, умение смотреть не только на сказочный сюжет, но и на любое художественное явление с точки зрения большого времени – все это позволяло Л. Г. Барагу подключать для своих исследований, когда это было необходимо, телескопическую оптику. Так, например, он рассматривал сказочный сюжет «Мужик-должник черта АТ 822* (The Devil Lends Money to the Man. Der mythischer Gläubiger)», распространенный

в центральной, восточной и северной Европе, в широчайшем контексте немецких, литовских, латышских, эстонских, саамских, шведских, венгерских, чешских, лужицких, украинских, белорусских, сербохорватских вариантов [17]. Именно подобный обзорный взгляд позволил ему показать, что контаминации сюжета о мифическом заимодавце с сюжетами о помощи черта (АТ 821, 821 С) обычны для немецких, а контаминации с сюжетами о глупом черте (АТ 1072, 1071 1062) – для украинских сказок. Признанием бесспорного международного авторитета Л. Г. Барага явилось его длительное сотрудничество с редколлекцией 60-томной «Энциклопедии сказок», издававшейся в Мюнхене и Нью-Йорке на немецком и английском языках, в которой он напечатал серию статей о сказках народов мира.

Но самой драгоценной удачей становились для Л. Г. Барага встречи во время фольклорных экспедиций с носителями живого устного слова, с истинными продолжателями фольклорных традиций. Творчеству одного из таких талантливых народных самородков, сказочнику И. И. Карцеву из деревни Сухоречка Бижбулякского района БАССР, исследователь-фольклорист посвятил две статьи, в которых с восхищением отзывался о мастерстве рассказчика, который не просто передавал содержание сказки, но с психологической выразительностью разыгрывал сказку в лицах [18, 19]. При этом Л. Г. Бараг отмечал, что, в частности, сказка Карцева «Как солдат на английской королевне женился» не уступает по полноте и мастерству разработки лучшим из известных вариантов этого сюжета: в ней много подробностей, которые находят соответствие в разных других вариантах. Итогом многолетних экспедиций по Башкирии, с которой Лев Григорьевич Бараг связал четыре десятилетия своей плодотворной деятельности, стала статья «Состояние русской сказочной традиции и ее отражение в материалах экспедиций Башкирского университета» [20]. Она была опубликована в сборнике «Фольклор народов РСФСР», который тоже был детищем Л. Г. Барага и в котором публиковались такие известные фольклористы и литературоведы, как Т. М. Акимова, Э. В. Померанцева, И. М. Колесницкая, В. А. Бахтина, Н. И. Савушкина, К. Е. Коропова, С. Н. Азбелев, В. В. Блажес, Д. Н. Медриш, А. Н. Киреев, Р. Г. Назиров, А. М. Сулейманов, И. Е. Карпухин, Д. Ж. Валеев, и многие другие не только маститые, но и начинающие ученые. Межвузовский сборник «Фольклор народов РСФСР», двадцать выпусков которого вышли под редакцией Л. Г. Барага, собрал не только единомышленников-фольклористов и его учеников, но во многом способствовал формированию особой научной атмосферы на кафедре русской литературы и фольклора, провоцировал научную мысль коллег по кафедре. В этом сборнике публиковались как ученики Льва Григорьевича Барага – Б. Г. Ахметшин, Л. И. Брянцева, О. Широкова, так и те, в ком он пробудил интерес к мифологии, фольклорно-литературным связям, – Р. Г. Назиров, С. А. Салова, В. В. Борисова, Р. Х. Якубова, А. Р. Зайцева и другие.

Имя Л. Г. Барага хорошо знакомо не только фольклористам, но и историкам русского XVIII века, прежде всего тем, кто специализируется на изучении просветительской сатиры и комедии, в том числе драматургии Д. И. Фонвизина. Его хрестоматийной пьесе «Недоросль» он посвятил в свое время весьма внушительную по объему работу «Комедия Фонвизина „Недоросль“ и русская литература конца XVIII века», включенную в сборник статей под редакцией Н. К. Гудзия «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века» (М.; Л., 1940). Начинающему исследователю к тому времени не было и тридцати лет, поэтому публикация в солидном академическом издании, в одном ряду со статьями таких именитых ученых, как Л. И. Тимофеев, Б. В. Нейман, И. Н. Розанов, Л. Б. Лехтблау, В. Д. Кузьмина, А. В. Западов, вряд ли относилась к числу ординарных для научного сообщества событий.

Путь Л. Г. Барага в науке начался в жестких условиях «советского хроноса» (выражение В. М. Живова), в эпоху господства социологического метода, когда отечественная наука о литературе «осмнадцатого столетия» фактически еще пребывала в стадии своего становления. Если верить В. М. Живову, «эта эпоха со всеми ее специфическими проблемами была отдана в разработку „молодому“ Гуковскому» [24, с. 11]. Действительно, уже в своих работах 1926–1929 годов, опубликованных в пяти выпусках альманаха «Поэтика», Г. А. Гуковский изложил принципиально новые взгляды на русский литературный процесс классицистической эпохи, осуществив тем самым инновационную постановку вопроса о поэтической системе классицизма в России. Впоследствии в книгах и статьях 1930-х годов Гуковский фундаментально концептуализировал историко-литературный процесс в России XVIII столетия, сумев при этом «дovести свой социологический подход до поэтики исследуемых произведений» [25, с. 9]. Таков был в самых общих чертах тот научный макроклимат, в котором происходило становление Л. Г. Барага как историка литературы.

Уже в ранних работах 1940 года Бараг позиционировал себя последовательным полемистом, хотя и чрезвычайно корректно относившимся к суждениям своих научных оппонентов. Несомненный интерес в этом плане представляют его методологически смелые суждения об антиклассицистических тенденциях в драматургии 1770-х – начала 1780-х годов и начавшемся там «разложении жанровой замкнутости классицизма». Данное утверждение входило в известное противоречие с восходящим к Гуковскому мнением, согласно которому подобные процессы явственно проявились лишь в творчестве Г. Р. Державина: «Творчество Державина разрушило основы классификационного мышления, разрушив систему жанров и систему общих литературных категорий вообще» [24, с. 324]. Бараг же не без основания несколько сдвинул нижние границы процесса жанровой деканонизации, указав на первоначальное появление подобных симптомов не в лирике, а в драматургии: «Разложение жанровой замкнутости классицизма было настолько характерно для русской драматургии 70-х и 80-х годов, что оно должно было сказаться даже на вырождающейся классицистической трагедии. Так, например, в трагедии Богдановича «Славяне» герои распевают народные песни, а некоторые из них изъясняются на новгородском наречии» [21, с. 85].

Несомненный интерес своей имплицитной полемичностью представляют отдельные нюансы в трактовке Барагом образа Простаковой. Постулированному в учебнике Гуковского тезису об антипсихологичной манере Фонвизина: «Фонвизин в своей классической манере антипсихологичен в индивидуальном смысле» [25, с. 294], начинающий исследователь противопоставил мнение о том, что «Фонвизин прослеживает внутреннее состояние действующего лица в динамике», предложив рассматривать «Недоросля» как «отчасти социально-психологическую комедию». Попутно он констатировал также «отсутствие односторонности в характере» как самой Простаковой, так и ее сына Митрофана [21, с. 91].

Бараговская статья о фонвизинском «Недоросле» до сих пор представляет несомненную научную ценность осуществленной в ней тщательной реконструкцией линейного и парадигматического контекста этой хрестоматийной комедии. Напомним, что досоветская критика частенько уличала русских литераторов XVIII века в неприкрытом плагиате. Не избежал подобного упрека и Фонвизин, обвиненный П. А. Вяземским в том, что тот «на руку нечист» в отношении «чужого добра». Полемизируя с подобными расхожими представлениями, Бараг резонно утверждал, что «Фонвизин органически сливает чужое „со своим“» [21, с. 99]. Учиты-

вая, что в довоенном советском литературоведении отсутствовали современные представления о семиотическом механизме преобразования «чужого» на входе в «свое» на выходе, научная перспективность заявленного им тезиса не подлежит сомнению.

Кроме названной выше капитальной работы о фонвизинском «Недоросле», в 1940 году увидели свет еще две статьи Л. Г. Барага, посвященные отечественной литературе XVIII столетия: о сценической судьбе «школьной» комедии Фонвизина и о «карманном одописце» императрицы Екатерины II Василии Петрове как представителе ломоносовской поэтической школы. Знаменательно, что эти ранние работы привлекли внимание некоторых авторитетных знатоков русского XVIII века, инициировав точечную полемику с некоторыми высказанными там положениями. Показательно в этом смысле критическое суждение о бараговской интерпретации образа Тришки в опубликованной в 1947 году развернутой статье П. Н. Беркова «Театр Фонвизина и русская культура». Руководствуясь аксиоматизированным в советское время постулатом М. Горького о растлевающем значении крепостного права, Берков спроецировал характеристику изуродованных системой крепостнических отношений Еремеевны, Кутейкина, Вральмана, Цыфиркина на образ талантливого портного-самоучки Тришки. Безоговорочно согласившись с утверждением Барага, что Тришка – «это первый крепостной крестьянин на русской сцене», Берков усомнился в основательности заявленного им тезиса о выраженных в репликах дерзкого дворового Простаковой «судьбах русского крепостного» [23, с. 75–76]. Между тем с высоты современных методологических подходов к драматургии Фонвизина, предполагающих отказ от безапелляционной аксиоматичности горьковской формулы, пронизательность суждения Барага представляется гораздо более очевидной.

Названная статья П. Н. Беркова содержит еще один фрагмент, полемически отсылающий к другой работе Барага – о сценической судьбе «Недоросля». Высоко оценив научную значимость приведенного в ней материала, Берков категорически не согласился с критическим отзывом Барага о гротескной трактовке роли Митрофана актером Музилем. По мнению ленинградского ученого, музилевская трактовка гораздо предпочтительнее бурлескной концепции образа сына Простаковой. Бараг же придерживался иной точки зрения, считая, что Музиль, «слишком резко упирая на идиотизм Митрофанушки», своей игрой фактически «выхолостил комическое содержание» характера фонвизинского недоросля и «мало дал почувствовать тип XVIII в.» [23, с. 77–78]. Заметим попутно, что данный фрагмент полемики с Барагом в практически неизменном виде перешел в ставшую литературоведческой классикой монографию Беркова о русской комедии XVIII века, над окончательной редакцией которой исследователь начал работать в конце 1960-х годов. Нужно ли говорить, что именно констатация неоднородности и психологической усложненности образа Митрофана как конкретно-исторического типа молодого дворянина екатерининской эпохи (по В. О. Ключевскому) оказалась востребованной новейшими исследователями и интерпретаторами комедиографии Фонвизина?

Более четверти века спустя после появления ранних работ Л. Г. Барага о Фонвизине, точнее в 1966 году, в коллективной монографии, посвященной 70-летию члена-корреспондента АН СССР Павла Наумовича Беркова, была опубликована статья Барага «О реалистических тенденциях комедии „Бригадир“». Эта работа свидетельствовала об устойчивом интересе исследователя к выявлению антиклассицистических (а значит, реалистических) тенденций в первой оригинальной комедии Фонвизина 1769 года. С присущей ему энергичностью Л. Г. Бараг решительно оспорил неизжитое тогдашним литературоведением мнение о классицистично-

сти этой фонвизинской пьесы, осложненной элементами бытовой драмы а'ля Лукин. Прямолинейной назидательности автора «Мота, любовью исправленного», как верно отметил исследователь, молодой сочинитель «Бригадира» противопоставил живительную веселость, сатирическую соль, богатый оттенками юмор, сообщивших его пьесе «такую широкую обличительную направленность, как ни в одной из предшествующих русских комедий» [22, с. 151].

Наиболее перспективным по своей дерзкой смелости и тонкой проницательности явился следующий, как бы вскользь и мимоходом декларированный постулат, к сожалению, не получивший в рамках скромной по объему статьи Барага сколько-нибудь развернутого обоснования: «Заметим кстати, что в „Бригадире“ отрицательное в жизни и в характерах людей получает наиболее полную и острую оценку со стороны неположительных персонажей, которые подмечают недостатки друг друга. Это ведет к ограничению роли Добролюбова и Софьи – идеальных новых людей...» [22, с. 153]. Фактически здесь имплицитно была выражена мысль о неклассицистическом доверии Фонвизина к кругозору созданных им персонажей как людей, обремененных пороками, но способных, тем не менее, к вполне здравой оценке другого человека. Данное прозорливое наблюдение Барага представляется чрезвычайно перспективным в плане выявления полистилистической природы авторской стратегии Фонвизина, творчески освоившего художественную антропологию европейской (в первую очередь французской) литературы рококо.

Последняя часть бараговской статьи о «Бригадире» Фонвизина безошибочно констатировала ее сложную взаимосвязь с современной ему сатирической журналистикой, проявившейся, в частности, в переносе в пьесу отдельных журналистских приемов. Заметим попутно, что, бегло затронув вопрос о деятельном участии Фонвизина в журнале Н. И. Новикова «Трутень», Л. Г. Бараг солидаризировался с некогда предложенными П. Н. Берковым в его «Истории русской журналистики XVIII века» (М.; Л., 1952) атрибуциями Фонвизину ряда лучших сатирических статей, опубликованных на страницах новиковских «Трутня» и «Пустомели». Вместе с тем Бараг расширил круг атрибутируемых драматургу журнальных публикаций, введя в него «пародийное сатирическое письмо чиновного дяди, нажившегося во время своего воеводства, племяннику», опубликованное в мае 1769 года во втором листе «Трутня». Этот материал Бараг не без основания расценил как своеобразный комментарий автора «Бригадира» к простодушным словам Советницы о том, что ее муж вышел в отставку в год издания указа о лихоимстве.

В юбилейном сборнике статей в честь П. Н. Беркова из личной библиотеки Л. Г. Барага имеется дарственная надпись следующего содержания: «Глубокоуважаемому Льву Григорьевичу Барагу с благодарностью. П. Н. Берков. 23.I. 67». Думается, что эти слова с полным основанием можно расценить как искреннее признание неоспоримых заслуг Л. Г. Барага как крупного, всемирно известного ученого, посвятившего свою творческую жизнь серьезному изучению литературы, фольклора, духовной культуры многочисленных народов Советского Союза и Российской Федерации.

Литература

1. *Belorussische Volksmärchen* / Hrsg. von L. Barag. Berlin: Akademie, 1966. 647 p.
2. Бараг Л. Р. *Беларуская казка. Пытанні вывучэння яе нацыянальнай самабытнасці параўнальна з іншымі усходнеславянскімі казкамі*. Мінск: Вышэйшая школа. 1969. 256 с.
3. *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т.* М.: Наука, 1984–1985.

4. Бараг Л. Г., Новиков Н. В. А. Н. Афанасьев и его собрание сказок // *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т.* М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 377–426.
5. Бараг Л. Г. О межнациональном в сказках восточнославянских народов // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа, **1974**. Вып. 1. С. 69–80.
6. Бараг Л. Г. *Сюжеты и мотивы белорусских народных сказок.* Минск, **1978**.
7. Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В., Бараг Л. Г. *Восточнославянские сказки. Сравнительный указатель сюжетов.* Л., **1979**.
8. Бараг Л. Г. Межнациональные отношения прозаических жанров фольклора народов СССР // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа, **1975**. Вып. 2. С. 44–57.
9. Бараг Л. Г. Об отношении башкирского сюжетного репертуара сказок о животных к русскому // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа, **1976**. Вып. 3. С. 177–185.
10. Бараг Л. Г. Марийские предания Башкирии // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа, **1977**. Вып. 4. С. 100–111.
11. Бараг Л. Г. К сравнительному изучению татарских сказок о животных // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа, **1978**. Вып. 5. С. 115–127.
12. Бараг Л. Г. Варианты сюжетов типа СУС 968А* – «Охотник (батыр), неверная жена и ее похититель (разбойник)» и СУС 958А***** – «Охотник, неверная жена и захватчики (разбойники)», записанные на русском языке в Башкортостане, в их отношении к другим фольклорным вариантам – славянских, тюркских и финноугорских народов // *Фольклор народов России. Фольклорные традиции и фольклорные литературные связи.* Уфа: Издание Башкирского государственного университета, **1993**. Вып. 20. С. 29–40.
13. *Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала.* Уфа, **1974**. Вып. 1.
14. Бараг Л. Г. Сюжет «Звери делят растерзанное животное (АТ 52)» в литературной и устной традициях // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа: Издание Башкирского государственного университета, **1984**. Вып. 11. С. 77–90.
15. Бараг Л. Г. Сюжет «Простецкая молитва» (АТ 827) в литературной и фольклорной традициях разных народов // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа: Издание Башкирского государственного университета, **1987**. Вып. 14. С. 43–53.
16. Бараг Л. Г. Сюжет «Собака подражает волку» (АТ 47 Д, 101*, 117*, 119*) в литературной и фольклорной традициях // *Фольклор народов РСФСР. Песенные жанры, их межэтнические отношения, фольклорно-литературные связи.* Уфа: Издание Башкирского государственного университета, **1988**. Вып. 15. С. 90–101.
17. Бараг Л. Г. Три международных сюжета // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа: Издание Башкирского государственного университета, **1986**. Вып. 13. С. 49–64.
18. Бараг Л. Г. Сказки И. И. Карцева из деревни Сухоречка Бижбулякского района БАССР // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа: Издание Башкирского университета, **1982**. Вып. 9. С. 134–143.
19. Бараг Л. Г. Сказка «Сын царя леса» И. И. Карцева из деревни Сухоречка Бижбулякского района БАССР // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа: Издание Башкирского государственного университета, **1985**. Вып. 12. С. 139–144.
20. Бараг Л. Г. Состояние русской сказочной традиции и ее отражение в материалах экспедиций Башкирского университета // *Фольклор народов РСФСР. Современное состояние фольклорных традиций и их взаимодействие.* Уфа: Издание Башкирского государственного университета, **1989**. Вып. 16(7). С. 6–12.
21. Бараг Л. Г. Комедия Фонвизина «Недоросль» и русская литература конца XVIII века // *Проблемы реализма в русской литературе XVIII века: сб. статей.* М.: Изд-во АН СССР, **1940**. С. 68–120.
22. Бараг Л. Г. О реалистических тенденциях комедии «Бригадир» // *Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры.* М.: Наука, **1966**. С. 150–156.
23. Берков П. Н. Театр Фонвизина и русская культура // *Русские классики и театр.* М.: Искусство, **1947**. С. 7–108.
24. Гуковский Г. А. *Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века.* М.: Языки русской культуры, **2001**. 352 с.
25. Гуковский Г. А. *Русская литература XVIII века: учебник.* М.: Аспект Пресс, **1998**. 453 с.

Поступила в редакцию 04.12.2016 г.

После доработки – 16.12.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.6.10

Cultural interaction of East Slavic folklore and Russian literature as the national phenomena in the scientific heritage of L. G. Barag

© S. A. Salova, R. Kh. Iakubova*

*Bashkir State University
32 Z. Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

**Email: irlxx@yandex.ru*

The article is dedicated to the famous folklorist, literary critic, ethnographer, candidate of philological science, and doctor of historical science, Lev Grigorievich Barag, whose research and teaching activity for several decades was linked to the Bashkir State University. The authors of the article present main milestones of his scientific work as well as brief annotated overview of the major works of this outstanding Russian philologist in fairytale folklore and mark his contribution to the study of one of the most important pages in the Russian literature of the 18th century, D. I. Fonvizin's comediography. Multifaceted activities of Professor Barag are described, who successfully combined practical work of collecting folklore with research that was focused on the comparative study of fairytale epos. The authors consider the question of what place in Russian philology took this researcher, who made significant additions, refinements in the analysis of not only Eastern Slavic, but Turkic fairy story repertoire and who became one of the creators of the most authoritative index of East Slavic fairy stories and laid the foundations for the development of the study of Bashkir folklore. The main features of the Barag's polemical (in terms of methodology) research strategy aimed at the justification of potentially prorealistic method of Fonvizin-playwright were identified. Attention is drawn to the postulated by Barag judgments that anticipated modern scientific ideas about the processes of genre decanonization, about semiotic mechanism of transformation of the "unfamiliar" to "familiar", about genre originality of "The Minor" as a socio-psychological comedy, about trust of the author of "The Brigadier-General" in evaluative point of view of "nonpositive" characters.

Keywords: study of folklore, ethnography, folklore tradition, mythopoetics, comparative literature, fairytale epos, narrative repertoire, history of Russian literature of the 18th century.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Salova S. A., Iakubova R. Kh. Cultural interaction of East Slavic folklore and Russian literature as the national phenomena in the scientific heritage of L. G. Barag // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 6. Pp. 635–645.

References

1. *Belorussische Volksmärchen*. Hrsg. von L. Barag. Berlin: Akademie, 1966.
2. Barag L. R. *Belaruskaya kazka. Pytanni vyvuchennya yae natsyyanal'nai samabytnastsi paraunal'na z inshymi uskhodneslavyanskimi kazkami*. Minsk: Vysheishaya shkola, 1969.
3. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V 3 t.* Moscow: Nauka, 1984–1985.
4. Barag L. G., Novikov N. V. A. N. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V 3 t.* Moscow: Nauka, 1985. Vol. 3. Pp. 377–426.
5. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa, 1974. No. 1. Pp. 69–80.
6. Barag L. G. *Syuzhety i motivy belorusskikh narodnykh skazok [The themes and motifs of Belarusian folk tales]*. Minsk, 1978.
7. Berezovskii I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V., Barag L. G. *Vostochnoslavyanskije skazki. Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov [East Slavic tales. Comparative index of plots]*. Leningrad, 1979.
8. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa, 1975. No. 2. Pp. 44–57.

9. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa, **1976**. No. 3. Pp. 177–185.
10. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa, **1977**. No. 4. Pp. 100–111.
11. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa, **1978**. No. 5. Pp. 115–127.
12. Barag L. G. *Fol'klor narodov Rossii. Fol'klornye traditsii i fol'klornye literaturnye svyazi*. Ufa: Izdanie Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, **1993**. No. 20. Pp. 29–40.
13. *Materialy i issledovaniya po fol'kloru Bashkirii i Urala [Materials and studies on the folklore of Bashkiria and the Urals]*. Ufa, **1974**. No. 1.
14. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa: Izdanie Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, **1984**. No. 11. Pp. 77–90.
15. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa: Izdanie Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, **1987**. No. 14. Pp. 43–53.
16. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR. Pesennye zhanry, ikh mezhetnicheskie otnosheniya, fol'klorno-literaturnye svyazi*. Ufa: Izdanie Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, **1988**. No. 15. Pp. 90–101.
17. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa: Izdanie Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, **1986**. No. 13. Pp. 49–64.
18. Barag L. G. Skazki I. I. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa: Izdanie Bashkirskogo universiteta, **1982**. No. 9. Pp. 134–143.
19. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR*. Ufa: Izdanie Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, **1985**. No. 12. Pp. 139–144.
20. Barag L. G. *Fol'klor narodov RSFSR. Sovremennoe sostoyanie fol'klornykh traditsii i ikh vzaimodeistvie*. Ufa: Izdanie Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, **1989**. No. 16(7). Pp. 6–12.
21. Barag L. G. *Problemy realizma v russkoi literature XVIII veka: sb. statei*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, **1940**. Pp. 68–120.
22. Barag L. G. *Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoi kul'tury*. Moscow: Nauka, **1966**. Pp. 150–156.
23. Berkov P. N. *Russkie klassiki i teatr*. Moscow: Iskusstvo, **1947**. Pp. 7–108.
24. Gukovskii G. A. *Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka [Early works on history of Russian poetry of the 18th century]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, **2001**.
25. Gukovskii G. A. *Russkaya literatura XVIII veka: uchebnik [Russian literature of the 18th century: textbook]*. Moscow: Aspekt Press, **1998**.

Received 04.12.2016.

Revised 16.12.2016.